

11 июня 1981 г., № 134.

КЛЮЧ

К СЛОВАМ ЭПОХИ

К 170-летию со дня рождения В. Г. Белинского

Его заслуги перед русской литературой давно оценены: они — неоценимы.

Имя Белинского, метко сказал как-то Аполлон Григорьев, плющом обросло четыре великих и славных имени — Пушкина, Грибоедова, Гоголя, Лермонтова.

Действительно — Белинский был первым истолкователем творчества Пушкина, а вместе (в связи) с тем — и всей до-пушкинской литературы.

Приветствуя восходящий талант Гоголя и провидя в нем начало иных («реальных», «натуральных») начал в нашей литературе, он — еще при жизни Пушкина — отдал ему пальму первенства.

Это он предрек неизвестному юному Лермонтову время славы, когда имя его «сделается народным именем, и гармонические звуки его поэзии будут слышимы в повседневном разговоре толпы...»

Развенчав Чацкого (и не раз пожалев об этом после), он признал-таки величие «Горя от ума».

Но и кроме этих четырех... В истории русской литературы — до конца 40-х годов XIX века — нет, пожалуй, ни одного сколько-нибудь заметного пера, которое не было бы оценено Белинским. Все они — от Кольцова до Полонского и Некрасова, Гончарова, Тургенева и Достоевского — пользовались его поддержкой и одобрением. А обернулось это — определением пути всей новой русской литературы — пути, на который ей должно было вступать, — пути в ее великое будущее.

Белинский мог ошибаться — и ошибался — в теоретических исканиях, мог быть крайним в своих обобщениях и увлечениях, но — художественный вкус и такт никогда ему не изменяли. В своих страстных утверждениях и отрицаниях, не умея любить и ненавидеть иначе, как всем пылом сердца, он не знал середины. Так было, когда в своих юношеских «Литературных мечтаниях» он вызвал «на очную ставку» всю русскую литературу — и пали старые боги... Так же было, когда он, увлеченный Гегелем, звал к «примирению с действительностью»...

Сила безоглядной искренности и красоты, творческая мощь вечно тревожного, вечно ищущего духа, не знающего ни успокоения, ни примирения, — веет от каждой его страницы.

Они выстраданы, эти страницы, всей его жизнью — выстраданы так, как, может, никакие другие во всей литературе нашей.

В этой-то выстраданности, пожалуй, и кроется секрет того, что и сегодня, на расстоянии почти полутора веков, читая Белинского, волнуешься в ответ на его пламенное вдохновение.

Легко углядеть глубочайшие (можно сказать, непримиримые) противоречия в его творчестве: поздний Белинский, действительно, как бы наново переоценивает все высказанное им ранее.

На самом же деле — противоречий не было. Была — диалектика творческого развития, неустанного движения к истине. Было — страстное служение истине.

«Бесстрашный боец за правду, — свидетельствует современник, — он не усумнился ни разу отречься от лжи, как только сознавал ее, и гордо отвечал тем, которые упрекали его за изменение взглядов и мыслей, что не изменяет мыслей тот, кто не дорожит правдой. Кажется, он даже создан был так, что натура его не могла устоять против правды, как бы правда ни противоречила его прежнему взгляду, каких бы жертв она ни потребовала...»

Боец по натуре, он всю жизнь «кипел и горел».

Вся жизнь его была отдана литературе и — борьбе. В этой борьбе на его стороне было все новое и чуткое, представлявшее юную «Россию будущего», в которую тогда еще мало кто и верил-то. А против — ополчилось все ветхое и отжившее.

Горсточка — и легион.

На эту борьбу нового со старым затрачено было столько ума и таланта, крови и нервов — столько, что — уже просто — напросто не могло быть затрачено напрасно.

И легион оказался сломлен.

Одиноким как будто сначала голос Белинского, подхваченный крепнущим кружком соратников, креп вместе с ним и прорывался в будущее.

Неистовый Виссарион стал центральной фигурой эпохи.

Юная Россия победила. А он не дожид до часа ее торжества. Он умер — и стяжал не славу даже, но — подлинное бессмертие.

Под натиском всесокрушающего времени тускнеют буквы, но не подернулись пеплом по-прежнему дышащие страстью и огнем строки Белинского, первого великого критика русского, учителя учителей. Тускнеют буквы, а строки эти становятся нам еще ясней, еще ближе и дороже. Мы чувствуем и сознаем в них — огонь души и сердца жар, чувства глубину и мыслей высоту...

Путь высокого служения и борьбы Белинский избрал в ранней юности. Уже в «Литературных мечтаниях» он призывал: «подави свой эгоизм... дыши для счастья других, жертвуй всем для блага ближнего, родины, для пользы человечества...»

На этот путь он вышел бестрепетно — со спокойной совестью и сознанием своей нравственной правоты. И прошел этим путем — до конца.

Прекрасно сказал о нем тот же Аполлон Григорьев: «У него был ключ к словам его эпохи, и в груди его жила могущественная и вулканическая сила». И — далее: «Если бы Белинский прожил до нашего времени, он и теперь стоял бы во главе критического сознания по той простой причине, что сохранил бы высшее свойство своей натуры: неспособность закоснеть в теории против правды искусства и жизни».

Святые слова, справедливые и сегодня!

И. БЕЛЯЕВ.